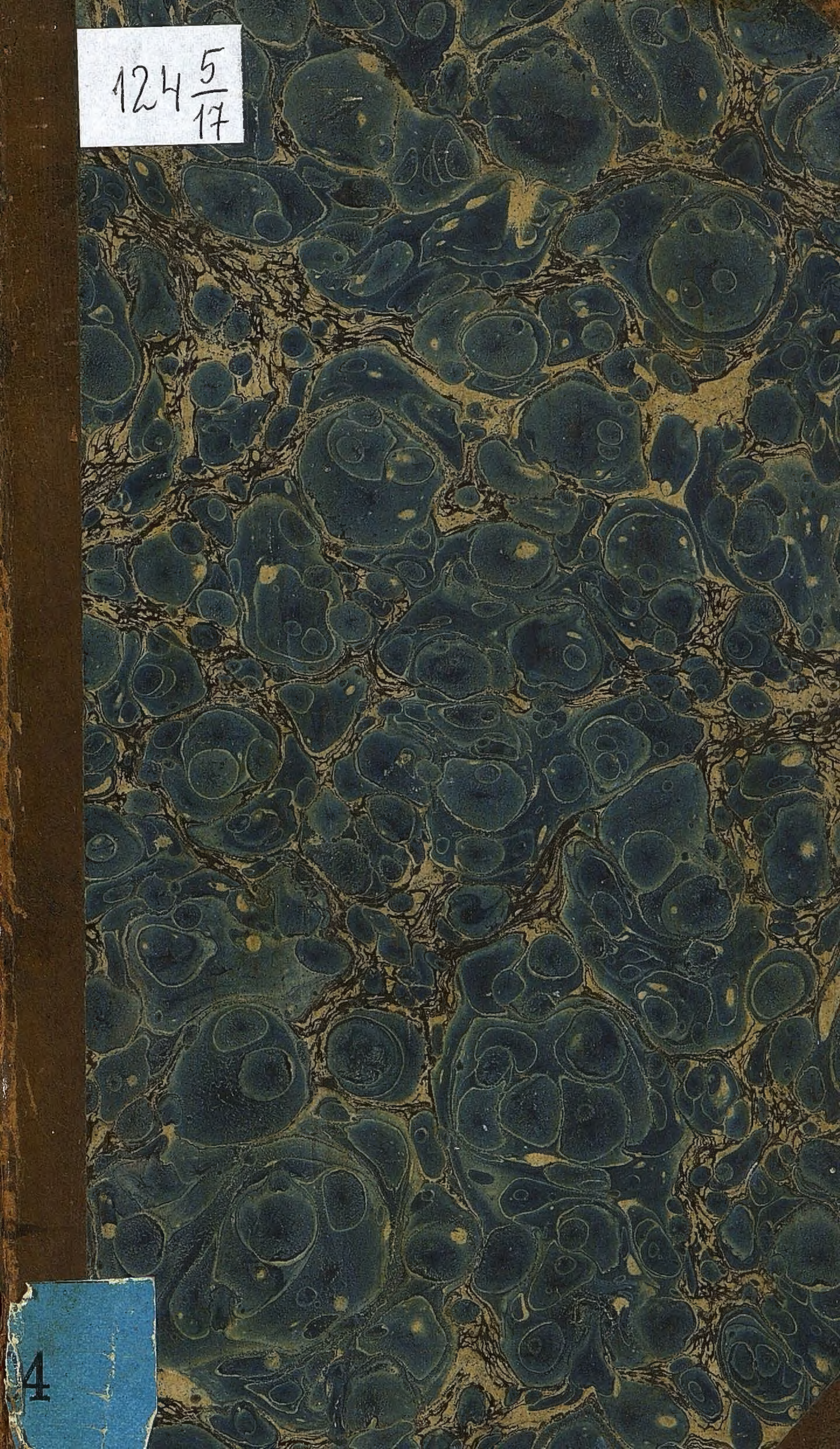
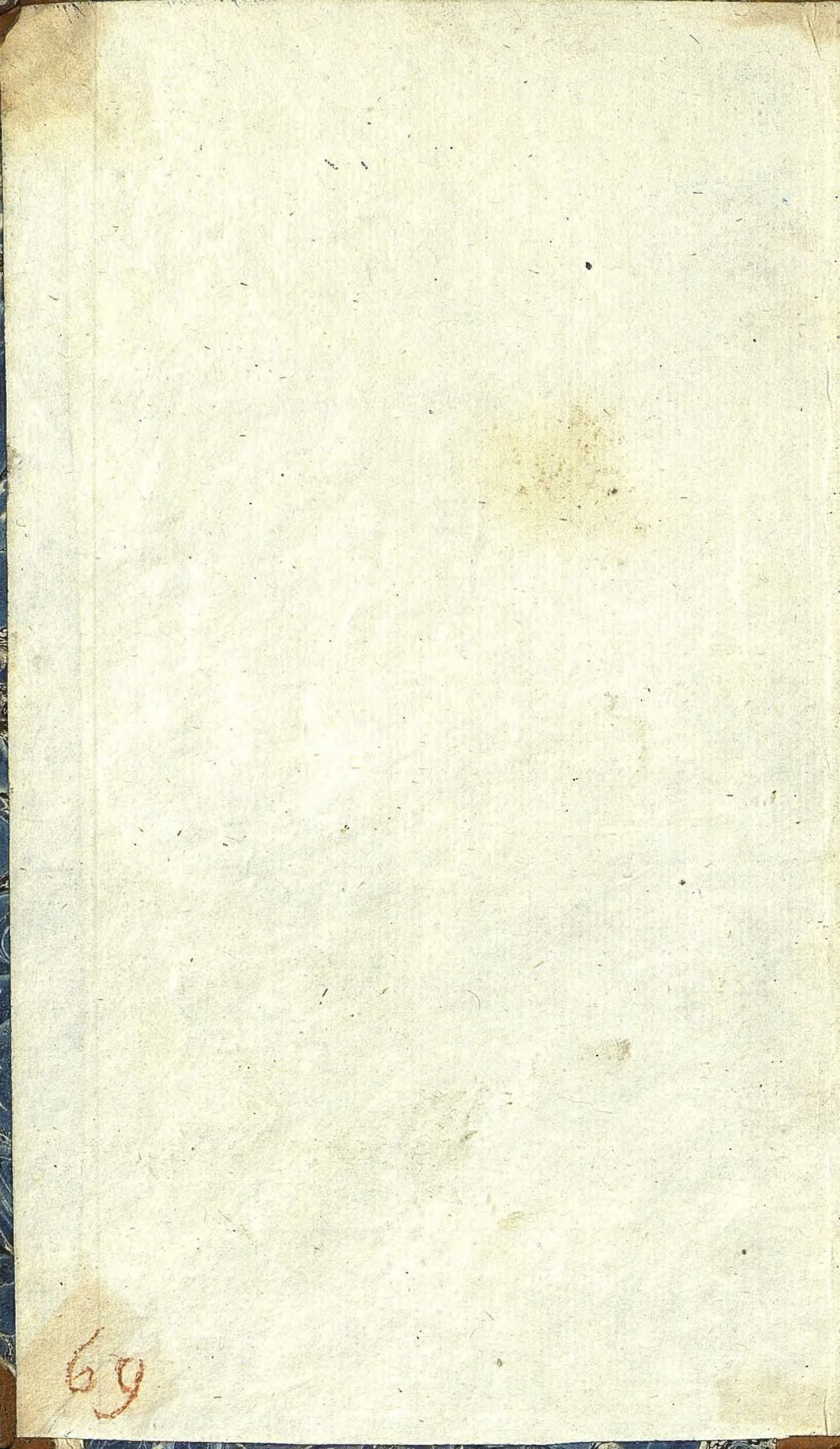

124 5/17
4

69

АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ

ПУТЕШЕСТВІЯ

ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА

ПАВЛОВИЧА

въ Таганрогъ, Крымъ, по Кавказскимъ горамъ и пребыванія въ тамошнихъ краяхъ, также и бользненнаго состоянія, послѣднихъ дней жизни, кончины и погребенія Его, съ портретомъ, картинами, изображающими кончину, везенія тѣла и катафалку сего незабвеннаго Монарха и миротворца Европы.

Вѣщайте, лѣтописи славы!
Какихъ вѣковъ, какой державы
Монархъ столь блага совершилъ?
Ищу.... закройтесь: нѣтъ примѣра!
Къ величію подвигнутъ былъ
Онъ вами, добродѣтель, вѣра!

Карамзинъ.

МОСКВА.

Въ Типографіи Рѣшетникова.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. 1828 года, Ноября 26 дня.

Ценсоръ Глинка.

АЛЕКСАНДРЪ I-й ИМПЕРАТОРЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ родился въ 1777 году, Декабря 12 дня. Онъ оказалъ съ самыхъ отроческихъ лѣтъ склонность къ наукамъ. Быстрыя успѣхи въ оныхъ послужили къ раскрытію всей доброты Его характера, содѣлывающаго кумиромъ народовъ. Восшедъ на престолъ 1801 года, вѣнчался на Царство въ Москвѣ, въ той столицѣ, которая спустя 11 лѣтъ содѣлалась подводнымъ камнемъ, о которой сокрушилось могущество Наполеона.

Первые годы Его Царствованія были ознаменованы важными улучшеніями въ способѣ управленія Государствомъ. — Онъ покровительствовалъ наукамъ и искуствамъ, явилъ знаки своей щедрости многимъ знаменитымъ людямъ какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ Государствахъ.

Событія достопамятной компаніи 1812, 1813 и 1814 г. привели ИМПЕРАТО́РА АЛЕКСАНДРА въ Парижѣ. Умѣренностію, человѣколюбіемъ, справедливостію, кротостію Онъ явился тамъ въ вящшемъ величіи, нежели предводительствуя войсками. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ показалъ мудрость и великодушіе свое на конгрессахъ Лейбахскомъ и Веронскомъ, а послѣ того и на Ахенскомъ. Онъ явилъ себя проникнутымъ правилами къ сохраненію порядка, которыя однѣ могутъ упрочивать твердость Государства.

Какою Ему не обязана признательностію Европа въ ужасной борбѣ, которую Онъ одинъ имѣлъ противу властителя Европы, противъ человѣка умѣвшаго заставить содѣйствовать своимъ намѣреніямъ даже самыхъ тѣхъ, кои наиболѣе страдали отъ оныхъ,—въ сей борбѣ Онъ налагалъ на себя самыя тяже-

лыя пожертвованія. Съ помощію времени и твердости характера Онъ достигъ того, что уничтожилъ силу воли могущественнѣйшаго изъ людей временъ новѣйшихъ и далъ униженной Европѣ средство паки пріобрести независимость и честь свою.

По возвращеніи Своемъ въ С. Петербургъ, Онъ посвятилъ себя на внутреннее устроеніе благосостоянія Государственнаго. Болѣзненное состояніе Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСІЕВНЫ заняло все попеченіе Монарха. Надлежало на нѣсколько времени перемѣнить климатъ, и рѣшились предпринять путешествіе въ южную Россію— *Таганрогъ* назначенъ мѣстомъ пребыванія. Его ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО самъ пожелалъ сопутствовать Августѣйшей своей супругѣ. 1-го Сент. 1825 года, все было готово къ отъѣзду ИМПРАТОРА въ Таганрогъ.

Всѣмъ извѣстно благочестіе и вѣра АЛЕКСАНДРА. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ просилъ Преосвященнѣйшаго Митрополита въ часъ отъѣзда отслужить въ Лаврѣ молебенъ. 1-го Сент. въ назначенный день въ 4 часа утра Митрополитъ, Архимадриты въ полномъ облаченіи и вся братія для срѣтенія ИМПЕРАТОРА вышли заблаговременно къ воротамъ Лаврскимъ. Все покрыто было еще мракомъ, ночная тишина царствовала надъ столицею. Въ 4¼ часа легкая коляска, запряженная тройкою, безъ всякаго сопровожденія, даже безъ лакѣя, быстро подъѣзжаетъ къ воротамъ монастырскимъ, останавливается;— кто-то сходитъ: и это былъ самъ ИМПЕРАТОРЪ, въ фуражкѣ, сѣромъ плащѣ, вицъмундирѣ, безъ шпаги. Увидѣвъ братію, Онъ поспѣшно вышелъ изъ коляски; еще не въѣзжая въ ворота, приложился къ животворящему кресту,

былъ окропленъ святою водою, принялъ отъ Митрополита благословеніе и сказалъ, что Онъ нѣсколько опоздалъ пріѣздомъ; потомъ приказалъ за собою затворить ворота и изволилъ итти въ соборную церковь. Монашествующіе въ сіе время пѣли тропарь: *Спаси Господи люди Твоя* и пр. Войдя въ соборъ, Государь благоговѣйно остановился предъ ракою Св. Александра Невскаго, предъ которою и началось обычайное молебствіе (*чинъ благословенія въ путешествіи*). Когда наступило время читать Св. Евангеліе, то Государь, приближившись къ Преосвященному Митрополиту, сказалъ: „*Положите мнѣ Евангеліе на голову*," и съ сими словами сталъ на колѣно подъ Евангеліе. Митрополитъ, исполняя волю Его, положилъ Св. Евангеліе на главу величайшаго изъ Владыкъ земныхъ, въ смиреніи преклонившаго колѣно, и прочелъ божественные слова. По совершеніи молебна

Государь прикладывался къ Св. Кресту и окропленъ святою водою. Вмѣстѣ съ симъ Митрополитъ благословилъ Его иконою Спасителя. Государь приложась къ ней, принялъ оную, взялъ благословеніе у Митрополита, и отдалъ Икону Перводіакону, говоря: „*доставте сію Икону въ мою коляску,*" а Самъ, положивъ три земныхъ поклона предъ мощами благовѣрнаго Князя, приложился къ Его Образу и изволилъ раскланяться съ бывшими при молебствіи. Прощаясь съ Преосв. Митрополитомъ, изволилъ сказать, что Государыня ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСІЕВНА *вчерашній день была въ Казанскомъ соборѣ и Ей теперь лучше.*

Обратное шествіе Его ВЕЛИЧЕСТВА было тѣмъ же порядкомъ, а именно: вся братія въ мантіяхъ, 8 Іеромонаховъ и 2 Архимандрита въ облаченіяхъ, равно и самъ Преосв. Митрополитъ въ полномъ облаченіи

и съ крестомъ въ рукахъ, провожали высокаго посѣтителя, съ пѣніемъ того же тропаря: *„Спаси Господи люди твоя,* и проч.

Вышедши изъ церкви, Преосв. Митрополитъ просилъ Государя пожаловать къ нему въ келью. *Очень хорошо,* отвѣчалъ ИМПЕРАТОРЪ, *только ненадолго', я и такъ уже полчаса по маршруту опоздалъ;* такимъ образомъ отъ собора всѣ провожавшіе поворотили къ кельѣ Митрополита и вошли въ залу. Государь съ Преосвященнѣйшимъ удалился въ гостинную и принявъ снова отъ него благословеніе, сѣлъ и просилъ Преосвященнаго также сѣсть подлѣ него. Чтобы склонить разговоръ къ предмету, гораздо занимательнѣйшему для высокаго гостя, Митрополитъ сказалъ: „ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО! я знаю что Вы вездѣ жалуете схимниковъ и въ здѣшней Лаврѣ есть; не благоугодно ли

приказать позвать его?" *хорошо, позовите*, отвѣчалъ Государь.

Схимникъ, по желанію Государя, тотчасъ явился къ Нему и былъ Имъ благосклонно принятъ. ИМПЕРАТОРЪ просилъ у его благословенія и разговаривалъ съ нимъ нѣсколько минутъ, уходя же достопочтенный старецъ сказалъ умилительнымъ голосомъ: Государь, здѣлай милость, удостой и мою келью посѣщеніемъ!... ИМПЕРАТОРЪ изъявилъ на сіе свое согласіе.

Келья схимника находилась у самаго подъѣзда, къ которому подана была уже коляска; дверь отворилась, Государь входитъ, мрачная картина поражаетъ Его взоръ... полъ и всѣ стѣны до половины обиты чернымъ сукномъ, большое распятіе съ предстоящими Богоматерію и Евангелистомъ Іоанномъ, длинная черная скамейка и лампада предъ Св. иконами

тускло освящающая печальное жилище схимника—вотЪ что представилось Августѣйшему посѣтителю! Государь, симЪ пораженный, остановился. При входѣ схимникЪ палЪ предЪ распятіемЪ, читая молитву, и оборотясь кЪ ИМПЕРАТОРУ, сказалЪ: *Государь, молись!* и Государь положилЪ три земныхЪ поклона. СхимникЪ взялЪ потомЪ крестЪ, прочелЪ отпускЪ и осѣнилЪ Его крестомЪ.

За симЪ МонархЪ сѣлЪ сЪ МитрополитомЪ на черную скамейку а схимникЪ отговариваясь долгое время отЪ высокой Монаршей милости, но немогши упросить, сѣлЪ сЪ ними по приказанію Государя, занявЪ мѣсто поодоль отЪ нихЪ. *Все ли здѣсь имущество схимника? гдѣ онъ спитъ? я не вижу постели,* спросилЪ ИМПЕРАТОРЪ вЪ полголоса Митрополита; *спитъ онъ,* отвѣчалЪ Преосвященный, *на томъ*

же самомъ полу, предъ симъ самымъ распятіемъ, предъ которымъ молился.

Вслушавшись въ слова сіи, схимникъ всталъ и сказалъ: *нѣтъ Государь! и у меня есть постель, пойдемъ я покажу Тебѣ ее.* Съ сими словами повелъ онъ ИМПЕРАТОРА за перегородку въ своей кельѣ, гдѣ представилось Государю зрѣлище, сколь разительное, столь и ужасное!... На столѣ стоялъ черный гробъ, въ коемъ лежали схима, свѣчи, ладонъ и все принадлажащее къ погребенію. Казалось желище схимника было жилищемъ смерти. *Смотри,* сказалъ схимникъ, *Государь!* указывая на гробъ, *вотъ постель моя, и не моя только, а постель всѣхъ насъ; въ ней всѣ мы,* Государь, *ляжемъ и будемъ спать долго!* Молча, погруженный въ размышленіе, Монархъ стоялъ нѣсколько минутъ. Когда отошелъ отъ ужаснаго гроба, схимникъ обратился

къ нему съ сими словами: „*Государь! я человѣкъ старый и много видѣлъ на свѣтѣ, благоволи выслушать слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе, но послѣ чумы нравы испортились, въ 1812-мъ году наступило время исправленія и набожности; но послѣ войны нравы еще больше испортились. Ты, Государь нашъ, долженъ еще больше бдѣть надъ нравами. Ты сынъ православныя Церкви и долженъ любить и охранять ее. Такъ хощетъ Господь Богъ нашъ!* „Выслушавъ слова сего почтеннаго старца, Монархъ обратился къ Преосвященному и сказалъ Ему:“ *многія длинныя и краснорѣчивыя рѣчи слышалъ я; но онѣ никогда такъ мнѣ не нравились, какъ краткія слова сего старца. Жалѣю,* (сказалъ онъ потомъ схимнику), *что я давно съ тобою не познакомился,* и обѣщался впредь его посѣщать. За симъ, взявши у него

бласловенie вышелЪ изЪ его кельи вмѣстѣ сЪ МитрополитомЪ. Проходя мимо братiи, стоявшей вЪ два ряда отЪ кельи, Государь просилЪ молитвЪ ихЪ; еще разЪ принялЪ благогословенie Преосв. Митрополита. Садясь вЪ коляску, поднялЪ вверхЪ глаза, орошенныя слезами и оборотясь еще кЪ Митрополиту сказалЪ умиленнымЪ голосомЪ: *помолитесь обо мнѣ и женѣ моей*. Лаврою до самыхЪ воротЪ ѣхалЪ ОнЪ сЪ открытою головою, часто обращался, кланялся и крестился смотря на соборЪ. ИтакЪ *мрачная келья, открытой гробЪ со всѣми принадлежностями кЪ похоронамЪ, были послѣдними предметами, представившимися Государю при выѣздѣ Его изЪ С. Петербурга*, казалось, ОнЪ самЪ имѣлЪ предчувствie о своей кончинѣ. Бывало, проѣзжая сЪ каменнаго острова Невскie мосты, обнаруживалЪ ОнЪ свою веселость, восхи-

щался плавностію рѣки, великолѣпіемъ зданій и набережною; но въ послѣдній свой отъѣздъ изъ столицы какъ замѣтили, Онъ былъ задумчивъ и въ смутномъ молчаніи смотрѣлъ, проѣзжая мимо крѣпости, на Петропавловской соборъ, гдѣ почивалъ прахъ великихъ Его Предковъ. Когда Его ВЕЛИЧЕСТВО готовъ былъ отправиться въ Таганрогъ, тогда камердинеръ спросилъ Государя: „*когда прикажите ожидать Ваше ВЕЛИЧЕСТВО*“ и Монархъ указавъ ему на икону Спасителя, стоявшую въ Его кабинетѣ, сказалъ: *Ему одному извѣстно это!*

Проѣхавъ заставу Государь приказалъ остановиться екипажамъ, привсталъ въ коляскѣ и съ четверть часа изволилъ смотрѣть на столицу свою, во всѣ стороны, какъ будто сердце предвещало въ послѣдній разъ!! такимъ образомъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЬ въ пред-

назначенный путь въ Таганрогъ изволилъ отправиться, а Государыня ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСІЕВНА отправилась чрезъ день послѣ него, т. е. 3 Сентября изволила оставить С. Петербургъ и слѣдовала за обожаемымъ своимъ супругомъ. Самъ Монархъ со всякою заботливостію на каждой станціи осматривалъ приготовленныя квартиры для ИМПЕРАТРИЦЫ, и гдѣ будучи особенно доволенъ, благодарилъ начальниковъ за стараніе по возможности, улучшивать какъ дорогу, равно и квартиры для Ея ВЕЛИЧЕСТВА.

Прибывъ прежде ИМПЕРАТРИЦЫ въ Таганрогъ, Его забота была устроить дворецъ, какъ можно покойнѣе для Августѣйшей своей супруги; Онъ не оставилъ ни одного уголка безъ собственнаго своего обозрѣнія, чтобы нигдѣ недуло, и чтобы всѣ выгоды спокойствія были наблюдены для Ея здоровья. Государь ИМПЕРАТОРЪ

встрѣтилъ ИМПЕРАТРИЦУ за одну станцію отъ города, и съ нею вмѣстѣ въѣхалъ въ городъ. По прибытіи въ оной былъ съ нею неразлученъ. День начинался тѣмъ, что Она встаетъ, Ему докладываютъ о здоровьѣ ИМПЕРАТРИЦЫ, проситъ Государь чаю, а потомъ изволитъ ѣхать гулять. Также Онъ наблюдалъ всѣ даже малейшія Ея движенія симъ попеченіемъ и нѣжною заботливостію, равно вліяніемъ лучшаго климата, укрѣплялось Ея здоровьѣ со дня на день. Столь счастливая перемѣна исполнила Россіянъ радостію и вмѣстѣ съ тѣмъ и надѣждою (но къ несчастію оная не долго продолжалась).

Радостная перемѣна въ здоровьѣ ИМПЕРАТРИЦЫ произвела ощутительное впечатлѣніе на самаго Монарха, Онъ хотѣлъ уже отложить предлагаемое путешествіе въ Крымъ, но прибытіе Графа Воронцова, имѣвшаго тамъ знатныя помѣстья, пере-

мѣнило Государево намѣреніе. Онъ обѣщалъ Графу объѣхавъ Крымъ, быть у него, и хотѣлъ сдержать свое слово и исполнить свое обѣщаніе; для сего Государь приказалъ Генералу Дибичу начертать планъ сего путешествія, что было немедленно исполнено. „*Вашъ маршрутъ*, сказалъ Государь Генералу Дибичу, *слишкомъ продолжителенъ, сократите его!* Генералъ сократилъ и поднесъ его ИМПЕРАТОРУ *какъ двадцать дней? ѣзды? кажется вы ни чего не убавили*, сказалъ Государь, *сократите, сократите.* Итакъ путешествіе по послѣднему плану должно совершиться въ 17 дней. На канунѣ отъѣзда въ Крымъ, Его ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ писать собственно-ручное письмо къ Августѣйшей своей родительницѣ. Это было по полудни въ 4 часу, вдругъ небо помрачилось, нашла туча и сдѣлалось темно, Государь приказалъ

подать свѣчи, потомъ небо прояснилось, камердинеръ подавшій свѣчи, доложилъ Государь *не прикажите ли, Ваше ВЕЛИЧЕСТВО, принять свечи?* Государь спросилъ, *для чего?—для того,* отвѣчалъ камердинеръ, *что на Руси со свѣчами днемъ писать нехорошо. Да развѣ въ этомъ что нибудь заключается* прервалъ Государь, *скажи правду, вѣрно ты думаешь, что увидѣвъ съ улицы свѣчи, подумають, что здѣсь покойникъ? точно такъ,* Государь, *по замѣчанію Русскихъ. Ну? если такъ* сказалъ ИМПЕРАТОРЪ, *то возми свѣчи.* Такимъ образомъ это замѣчаніе оставлено безъ всякаго вниманія.

На другой день, т. е. 20 Октября, Государь выѣхалъ изъ Таганрога въ Крымъ, и въ первыя дни путешествія своего былъ весьма веселъ и разговорчивъ. 25 Октября отправился Онъ изъ Семферополя къ южному берегу полуострова и проѣхалъ вер-

хомъ 35 верстъ, чтобы достичь до *Юрсуфа*. Екипажи должны были ожидать Государя въ *Байдарѣ*. И это самое по мнѣнію Доктора Виллье, главнаго Лейбъ-Медика Его ВЕЛИЧЕСТВА, было главною причиною болѣзни Государя; ибо дорогою принужденъ Онъ былъ кушать хотя весьма хорошо приготовленную пищу, но не совершенно сходную съ обыкновенно употребляемою ИМПЕРАТОРОМЪ. Замѣчено было, что Онъ противъ обыкновенія много кушалъ плодовъ, въ сей день въ Юрсуфѣ Государь обѣдалъ очень поздно.

26 Октября поѣхалъ Онъ въ *Алубку*, имѣніе Графа Воронцова, дорогою осматривалъ Никитской садъ, и много изволилъ гулять пѣшкомъ, потомъ былъ на новокупленной имъ, у Графа Кушелева Безбородкѣй, мызѣ *Оріендѣ*; тамъ ИМПЕРАТОРЪ былъ великолѣпно угощаемъ; ущелья горъ были освѣщены плошками, что пред-

ставляло очаровательную картину; пили за Его здоровье и Онъ болѣе получаса стоялъ безъ шляпы въ самый жестокій вѣтеръ, оттуда отправился къ Княгинѣ Голицыной, во владѣніи коей существовала въ то время лихорадка, ночь провелъ тогда Государь у одного Татарина.

27 Октября прибылъ въ Алубку, обѣдалъ очень поздно; кушалъ много плодовъ. Утромъ ИМПЕРАТОРЪ отправился пѣшкомъ изъ Алубки, и, сѣвъ потомъ на лошадь, проѣхалъ болѣе 40 верстъ, дорогою жаловался на свою лошадь. Ему надлежало проѣхать по весьма дурной дорогѣ, чтобы достичь селенія, принадлежащаго Г. Мордвинову и находящагося во внутренности сего края. День былъ жаркой, вѣтеръ холодный и ужасный, и Государь принужденъ былъ дорогою или подниматься на горы, либо спускаться съ нихъ; а какъ извѣстно, что у подошвы горъ очень

жарко, но на вершинѣ оныхъ холодно и чѣмъ выше, шѣмъ холоднѣе, къ шому же была довольно сильная буря. Государь находясь въ долинахъ (внизу горъ). безпресшанно снималъ отъ жара фурашку, чрезъ нѣсколько минушъ, поднявшись на вышину, чувсшвовалъ холодъ и опяшь надѣвалъ ее. По прибышіи въ *Байдаръ*, онъ ничего не кушалъ; сѣвши въ коляску, Онъ изволилъ отправишься въ *Севосшополь* и былъ уже въ большомъ ослабленіи, на сшанціи въ двухъ версшахъ отъ *Балаклавы*, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ съ Генераломъ *Дибичемъ* на смошръ Греческаго башаліона, сосшоявшаго подъ командою Равальйоша; послѣ шого завшракалъ у башаліоннаго камандира и кушалъ немного извѣсшнаго рода крылашой рыбы, кошорая весьма жирна. Въ *Балаклавѣ* сѣвъ въ коляску, ѣхалъ до шого мѣсша, гдѣ дорога вела къ монасшырю

Св. Георгія, тамъ опять сѣвши на лошадь, поѣхалъ къ означенному монастырю, въ сопровожденіи одного фельдъегеря, двухъ татаръ и переводчика, невзявши ни сюртука, ни шинели, хотя солнце начинало садиться, ветеръ довольно былъ силенъ и воздухъ весьма прохладенъ. Когда спросили Государя, *не угодно ли надѣть шинель или бурку? не надобно!* отвѣчалъ ИМПЕРАТОРЪ. Въ монастырѣ пробылъ Онъ около часа, оттуда по возвратному пути въ *Севастополь* вставъ съ лошади, и сказалъ: „*очень холодно!*" Ему подали тотчасъ шинель, взявъ оную, сѣлъ въ коляску и отправился вечеромъ при свѣтѣ факеловъ, часу въ 9-мъ прибылъ въ *Севастополь*, посѣтилъ храмъ Божій и при свѣтѣ факеловъ дѣлалъ смотръ морскимъ полкамъ; потомъ спросилъ обѣдать, но ничего некушалъ, а занимался приказаніями для слѣдующаго дня.

28 Октября Государь изволилъ присудствовать при спускѣ корабля въ одномъ мундирѣ и завтракалъ, осмотрѣвъ военную гошпиталь, находящуюся въ трехъ верстахъ отъ города, а по возвращеніи выслушивалъ всѣхъ до 3-го часа, потомъ прогуливался пѣшкомъ по берегу моря, и приказалъ подать катеръ, чтобы посмотрѣть линейный корабль, не далеко стоявшій на акорѣ, и въ томъ же катерѣ отправился на противолежащій берегъ, гдѣ посѣтилъ морскую гошпиталь и казармы, въ коихъ воздухъ былъ довольно сыръ и холоденъ, изъ казармъ Государь поѣхалъ за пять верстъ на *Александроневскую батарею*, и приказалъ изъ оной стрѣлять свѣтлыми ядрами. Домой возвратился поздно, обѣдалъ со всѣми своими Генералами, а послѣ занимался съ Генераломъ Дибичемъ болѣе обыкновеннаго. Въ сей день замѣтили перемѣну въ лицѣ Его Онъ

нежаловался на головную боль, но на балЪ ѣхать отказался.

29 Октября екипажи переправились на берегЪ, и Государь дошелЪ пѣшкомЪ до самаго моря, сѣлЪ вЪ катерЪ и отправился вЪ *Константиновскую батарею*, тамЪ подали Ему дрожки и ОнЪ ѣздилЪ осматривать укрѣпленія. ПоступокЪ одного флотскаго офицера, находившагося подЪ военнымЪ судомЪ, и бросившагося тогда кЪ ногамЪ Государя прося помилованія, произвелЪ на разстроенные Его уже нервы весьма сильное впечатлѣніе. Осмотрѣвъ укрѣпленія, Государь поѣхалЪ вЪ коляскѣ вЪ Бахчисарай. ОнЪ не былЪ совершенно боленЪ, но чувствовалЪ нѣкоторую слабость, коей причину приписывалЪ барбарисовому соку, который ОнЪ изволилЪ кушать.

30 Октября ИМПЕРАТОРЪ пріѣхалЪ вЪ крѣпость *Джуфуктало*, жи-

довская крѣпость, мѣстечько, (На се-(ленное *жидами*, смотрѣлъ ихъ синагогу (молитвенный храмъ); на возвратномъ пути въ *Бакчисарай*, осмотрѣлъ Онъ близь онаго монастырь а приѣхавши назадъ, сказалъ, что *чувствуетъ себя нездоровымъ*, чегожъ однако по наружности нельзя было замѣтить. Обѣдалъ съ магометанскими Сановниками, и весьма былъ благосклоненъ, ввечеру увидѣвъ нѣсколько мечетей, пошелъ Онъ къ одному обывателю, чтобы видѣть обряды ихъ богослуженія, въ тотъ же вечеръ призвалъ Онъ Г. Лейбъ-Медика Вилье и разговаривалъ съ нимъ о состояніи здоровья ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСІЕВНЫ *я очень жалею*, сказалъ Его ВЕЛИЧЕСТВО, *что немогъ быть при ней, когда получила она извѣстіе о кончинѣ Баварскаго Короля.*" Потомъ разспрашивалъ Государь у доктора о томъ, что пишетъ

къ нему Лейбъ-Медикъ ИМПЕРАТРИЦЫ *Штофрегенъ*, на счетъ Ея здоровья и самъ признался, что *страдаетъ и нѣсколько ночей дурно спалъ; но не смотря на то*, прибавилъ Онъ, *ты и лѣкарства твои мнѣ ненужны, я умѣю самъ себя лѣчить*. Виллье осмѣлился предложить Ему, что въ Его положеніи одинъ пріемъ ревеню былъ бы во все неизлишнимъ; *оставь меня въ покое*, возразилъ Государь, *я уже сказалъ тебе, что не хочу лекарства*. Съ сего времени до самаго пріѣзда въ *Маріуполь*, всякой разъ, Виллье освѣдомлялся о здравіи ИМПЕРАТОРА, Его ВЕЛИЧЕСТВО отвѣчалъ: „*я здоровъ, не говори ни чего о лекарствѣ.*“

31 Октября изъ *Бакчисарая* поѣхалъ Государь въ Козловъ (Евпаторію), близъ коего находящіеся болоты производятъ часто гнилой и заразительной воздухъ. Тамъ осматри-

валъ онъ церкви, мечети, Синагоги, казармы и карантины; разговаривалъ долго съ однимъ капитаномъ Турецкаго корабля, невыдержавшимъ еще карантина.

Не смотря на то, что ИМПЕРАТОРЪ не любилъ вообще не только принимать лѣкарствъ, но даже и говорить объ оныхъ особенно за столомъ; однакожъ при обѣденномъ столѣ, бывшемъ между *Знаменкой* и *Орѣховымъ*, сверхъ обыкновенія, распрашивалъ Онъ своего Лейбъ-Медика, о Крымскихъ лихорадкахъ и внимательно слушалъ объ нихъ сужденіе Виллье, наконецъ просилъ: „*знаете ли вы дѣйствительно средство противъ сей болезни*. Г-нъ Виллье назвалъ оное. *Если оно у васъ въ походной Аптекѣ?* Лѣкарство тотчасъ было принесено, и не смотря на отвращеніе Государя ко всему тому, что сильно пахнетъ, Онъ отвѣдалъ его нѣсколько разъ, и

въ продолженіи пути Онъ оказывалъ особое отвращеніе къ сему лѣкарству. При семъ замѣчено, хотя ИМПЕРАТОРЪ и нелишился обыкновеннаго спокойствія духа, исполненнаго благости, былъ однако же задумчивѣе, и менѣе прежняго разговаривалъ. Въ послѣдній разъ въ *Бакчисараѣ* кушалъ Онъ одинъ, впрочемъ при столѣ Его находились Генералъ Дибичь, Лейбъ-Медикъ и Полковникъ Соломка.

Прибывъ въ Маріуполь, Государь позвалъ Виллье и сказалъ ему, *что чувствуетъ ознобъ, и что намѣренъ выпить пуншу, чтобы пропотѣть.* Выпивъ пуншу, окутался въ постелѣ и въ первой разъ говорилъ съ докторомъ обстоятельно объ своей болѣзни, Виллье нашелъ, что у него сильная лихорадка, ноги Его были сини и въ тѣлѣ ознобъ и дрожъ. Хотя лихорадка Его и оставила, но въ послѣдній день путешествія на переѣздѣ

изъ Маріуполя въ Таганрогъ Онъ ничего не кушалъ и чувствовалъ сильную слабость, прикавывалъ, чтобы тише ѣхать. Дорогою за 125 верстъ до Таганрога безпрестанно засыпалъ и послѣднюю станцію лошади едва двигались, такъ было тяжело Ему ѣхать! Часто спрашивалъ: *сколько осталось?* но наголовную боль не жажаловался.

5 Ноября Государь пріѣхалъ въ Таганрогъ въ 7 часовъ вечера. Князь Волконскій спросилъ о здоровьѣ Его Величества. „*Изрядно* отвѣчалъ Императоръ, *однако и я въ Крыму схватилъ небольшую лихорадку, я теперь увѣренъ, что не смотря на столь хвалимый климатъ, мы весьма благоразумно сдѣлали, избравъ женѣ моей Таганрогъ для жительства. Въ Бахчисараѣ почувствовалъ я первую лихорадку; спросилъ пить и Федоровъ мнѣ подалъ барбарису; я выпилъ полной стаканъ и*

тотчасъ почувствовалъ ознобъ. Послѣ сильно послабило меня, етимъ козалось все кончилось; но въ Перекопѣ, при осматриванiи госпиталя меня бросило въ ознобъ и лихорадка била меня сильнѣе прежняго. Князь Волконскiй умолялъ Государя беречь свое драгоцѣнное здоровье, совѣтовалъ лѣчиться, представляя, что уже трудно вынесть въ его лѣта то, что выносилъ онъ будучи 20 лѣтъ. Императоръ былъ довольно веселъ, но никого непринималъ. — Когда подали ему свѣчи, Государь припомнилъ разговоръ свой съ камердинеромъ и сказалъ ему: „*Анисимовъ! я очень нездоровъ,* камердинеръ отвѣчалъ, надобно пользоваться Государь. *Нѣтъ братъ,* возразилъ Императоръ, *свѣчи которыя приказалъ убрать я состола,уменя изъ головы невыходятъ, это значитъ мнѣ умеретъ конѣчно будутъ стоятъ предомною.* Въ изумленiи камердинеръ, смотря

на него, сказалъ: *что вы изволите говорить; избави Богъ отъ такого несчастья?* тѣмъ разговоръ кончился.

За симъ Его ВЕЛИЧЕСТВО пришелъ къ ИМПЕРАТРИЦѢ и сидѣлъ у Нее вечеръ, ночь провелъ Онъ хорошо нечувствуя лихорадки.

6 Ноября, какъ обыкновенно, одѣлся Онъ въ мундирной сюртукъ, только уже невыходилъ со двора, какъ то прежде дѣлалось, ибо Онъ чувствовалъ себя несовсѣмъ хорошо, глаза Его были мутны, слышалъ хуже обыкновеннаго, былъ примѣтно блѣденъ и желтъ, и вынужденнымъ нашелся оставить свои занятія съ Княземъ Волконскимъ. Въ три часа обѣдалъ съ Августѣйшею своею Супругою, кушалъ мало, и, не докончивъ обѣда-вышелъ въ свою комнату. Въ это время бросило Его въ сильную испарину. Камердинеръ извѣстилъ о семъ Князя Волконскаго, который немедленно явился къ Государю съ доктo-

ромъ Виллье. Они застали его въ кабинетѣ, сидящаго на диванѣ въ сюртукѣ; ноги Его окутаны были въ фланелевое одѣяло; по увѣщанію доктора, принялъ Онъ 8 пилюль. Въ 7 часовъ вечера почувствовалъ больной облегченіе, и благодарилъ Г. Виллье; потомъ попросилъ къ себѣ ИМПЕРАТРИЦУ. Ея ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО просидѣла у Него до 10 часовъ вечера. Въ сей же день Государь изволилъ отдать послѣдній пароль: *Таганрогъ*, и препоручилъ Генералъ Адъютанту барону Дибичу, чтобы онъ отдавалъ пароль на будущее время.

7 Ноября Государь почивалъ хорошо, но проснувшись по утру почувствовалъ въ себѣ сильное разслабленіе, отъ чего онъ легъ въ постелю, и принялъ микстуру, которая Ему нѣсколько помогла.

8 Ноября, провелъ Онъ ночь очень безпокойно отъ приключившейся внѣзапно ему лихорадки. Онъ пересталъ

принимать лѣкарство, не слушалъ обѣдни, опасаясь новаго приступа болѣзни, написалъ короткое письмецо въ С. Петербургъ къ Августѣйшей своей родительницѣ. По окончаніи Божественной службы, Виллье пришелъ къ Государю и нашелъ Его опять въ лихорадкѣ.

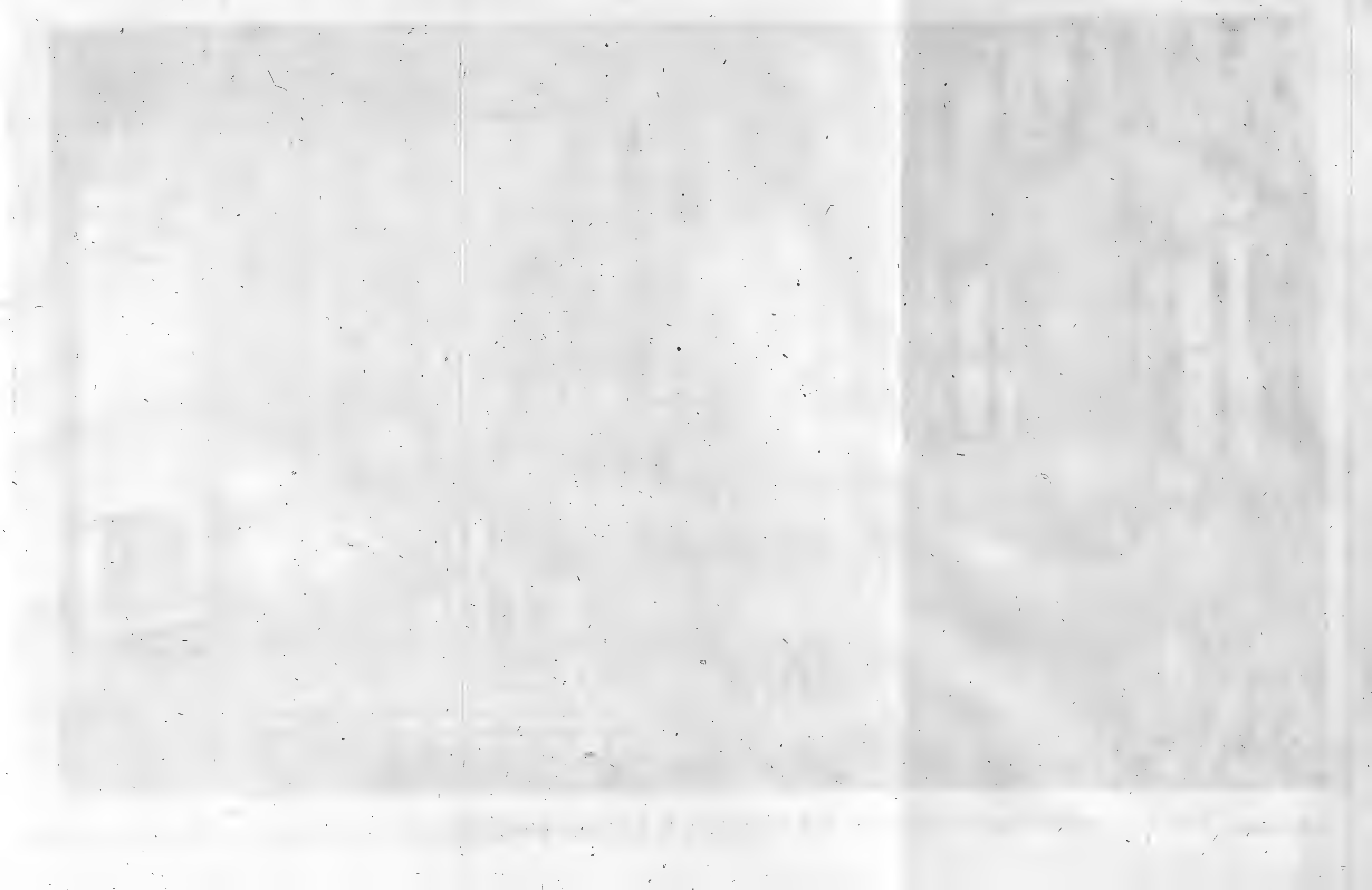
ИМПЕРАТОРЪ увидѣлъ кипу бумагъ на столѣ, положенныхъ на разсмотреніе Его ВЕЛИЧЕСТВУ, но Князь Волконскій упросилъ Государя не заниматься ими до совершеннаго выздоровленія. Потомъ Государь пригласилъ къ себѣ ИМПЕРАТРИЦУ, которая просидѣла у Него до 10 часовъ вечера.

9 Ноября ночь провелъ Государь довольно хорошо, позволилъ Князю Волконскому извѣстить Августѣйшую Матерь Его ИМПЕРАТРИЦУ МАРІЮ ѲЕОДОРОВНУ о болѣзненномъ Его положеніи.

10 Ноября хотя Государь и хорошо почивалъ всю ночь, но утромъ

КОНЧИНА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО въ ТАГАНРОГѢ 19го НОЯБРЯ 1825го ГОДА

чувствовалъ себя гораздо хуже. Около 11 час. по полуночи, желая встать съ постели, впалъ Онъ въ сильный обморокъ, весь день лежалъ въ большомъ жару, а ввечеру была у Него сильная испарина; Государь не говорилъ почти ничего и былъ въ совершенномъ разслабленіи.

11 Ноября Государь почивалъ всю ночь. Утромъ попросилъ къ себѣ ИМПЕРАТРИЦУ, которая просидѣла у Него до обѣда. Онъ желая подняться съ постели, впалъ опять въ обморокъ; въ ночи жаръ оставилъ Его, но по утру снова усилился. Сонъ былъ короткой и беспокойной. Въ сей же день позволилъ Генералу Дибичу извѣстить Его ВЫСОЧЕСТВО Цесаревича, Великаго Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА, о своемъ положеніи. Вообще приказалъ Онъ съ сего числа отдавать всѣ приказанія барону Дибичу.

12 Ноября утромъ Государь приказалъ сдѣлать себѣ оржадъ и кушалъ оный съ великимъ удовольствіемъ. ИМПЕРАТРИЦА провела съ Нимъ цѣлый день. Къ вечеру почувствовалъ онъ въ себѣ нѣкоторое облегченіе.

13 Ноября Государь почивалъ хорошо, принялъ лѣкарство и жаръ прошелъ; но къ вечеру жаръ усилился, и продолжался во всю слѣдующую ночь. Государь ни чего не говорилъ, часто пилъ лимонадъ, а когда оный Ему наскучилъ, то употреблялъ напитокъ изъ вишневаго соку.

14 Ноября стало Государю опять легче, жаръ уменьшился; Онъ спросилъ бриться и выбрился самъ. Вскорѣ послѣ того почувствовалъ сильную лихорадку; Ему предложили поставить піявки; но Онъ не хотѣлъ объ нихъ и слышать, отъ чего объ нихъ уже болѣе и не упоминали. Г. Вилліе объявилъ Князю Волконскому,

что Государь въ большой опасности. Князь видя, упорство Государя въ приставленіи піявокъ и отвращеніе отъ лѣкарства, а притомъ увеличивающуюся опасность, предложилъ Г-ну Вилліе въ присудствіи ИМПЕРАТРИЦЫ исполненіе долга Христіанскаго пріобщеніемъ больнаго св. таинъ, приказавъ священнику на исповѣди убѣждать Государя къ употребленію лѣкарствъ и піявокъ.

Государыня ИМПЕРАТРИЦА, пораженная симъ предложеніемъ, нашла въ чувствительномъ сердцѣ своемъ еще довольно силы и рѣшилась сама говорить супругу о необходимости прибѣгнуть къ помощи Св. вѣры. „*Развѣ я такъ боленъ?*" сказалъ Государь. *Нѣтъ другъ мой!* возразила ИМПЕРАТРИЦА почти сквозь слезы, *но Вы отказались отъ всѣхъ средствъ земныхъ, испытуйте небесное!* „*Очень хорошо!*" отвѣчалъ ИМПЕРАТОРЪ. Вошелъ

Виллiе; „*развѣ я очень слабъ?* спросилъ его Государь; *точно такъ*, Ваше Величество! сказалъ Докторъ залившись слезами. *Вы отринули мою помощь, теперь не такъ какъ врачь, но какъ христiанинъ, почитаю долгомъ объявить Вамъ, что нельзя терять времени!* ГОСУДАРЬ взялъ у него руку и долго ее жалъ. Виллiе замѣтилъ, что испарины у больнаго болѣе и болѣе умножались; онъ былъ молчаливъ и задумчивъ. Въ 11 часовъ вечера просилъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТРИЦУ успокоиться. Спросили у Виллiе, можноли начать исповѣдь, или отложить до слѣдующаго дня? Докторъ подтвердилъ возможность.

15 Ноября жаръ больнаго былъ весьма силенъ. Отъ 4 до 6 часа утра состоянiе его становилось хуже и хуже. Объ этомъ доложили ИМПЕРАТРИЦѢ, которая и изволила пожало-

вать къ обожаемому больному супругу; явился священникъ для исповѣди. *Мнѣ должно быть одному*, сказалъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТРИЦѢ, и она вышла. Смиреніе, кротость, усердіе и твердость были совершенно въ немъ необыкновенны. *Прошу садиться*, сказалъ онъ отцу своему духовному передъ исповѣдью; *поступайте со мною, какъ съ христіаниномъ, забудьте мое ВЕЛИЧЕСТВО*. Потомъ ГОСУДАРЬ приподнялся на локоть и исповѣдовался. Когда же всѣ возвратились послѣ исповѣди, онъ съ величайшимъ благоговѣніемъ приобщался Св. Христовыхъ таинъ, поцѣловалъ крестъ и руку служителя Божія, и прерывающимся голосомъ сказалъ слѣдующія слова: „*Я никогда не бывалъ въ такомъ умилительномъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь; благодарю васъ сердечно*. Тутъ священникъ, почтенный старецъ, ставъ у кровати Больнаго на колѣна, убѣди-

тельнѣйшимъ образомъ просилъ Его: „*Ваше ВЕЛИЧЕСТВО! Вы уврачевали душу свою, отъ лица церкви и всего народа прошу васъ Государь уврачевать и тѣло.*" На сіе отвѣчалъ ГОСУДАРЬ: *если надобно, я согласенъ; теперь я вижу,* прибавилъ Его ВЕЛИЧЕСТВО, *что я опасно боленъ.* Съ сего времени ГОСУДАРЬ позволилъ дѣлать все, что найдутъ полезнымъ, и принималъ лѣкарства. Между тѣмъ жаръ въ немъ не уменьшался; приставили ему къ затылку 30 піявокъ, которыя очень дурно принимались, такъ что два часа ихъ припускали, отъ сего сдѣлалось ему полегче. Казалось, надежда на выздоровленіе обожаемаго Монарха проникла не только въ душу окружающихъ ГОСУДАРЯ, но и всѣхъ жителей Таганрога. Всѣ отъ мала до велика спѣшили на молебствіе во храмы о здравіи Его ВЕЛИЧЕСТВА. Всѣ плакали и умаляли Вездѣсущаго.

16 Ноября ночь была самая беспо-

Видъ печальной Колесницы везомой тѣло въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Павловича.

койная, ГОСУДАРЬ былъ въ забытіи; во 2 часу опомнился, спросилъ лимонаду, принялъ ложку, и весь день чувствовалъ себя весьма дурно. Поставили синапизмы, (Горчицу); они не пособили, жаръ все не уменьшался; ГОСУДАРЬ лежалъ безъ языка.

17 Ноября въ ночи больной лежалъ въ отчаянномъ положеніи, все въ забытіи [illegible] асномъ жару; приложили на сп [illegible] мушк [illegible] Весь народъ въ Таганрогѣ, узнавъ о семъ, бросился по церквамъ просить Бога о спасеніи Царя, и кажется теплыя молитвы ихъ были услышаны: шпанскія мушки подѣйствовали, и ему сдѣлалось лучше. Самые опытные медики, сопутствовавшіе ГОСУДАРЮ и ГОСУДАРЫНѢ, ожидали совершеннаго возстановленія здоровья. Во время самой обѣдни, въ 10 часовъ утра, Государь, бывши цѣлые сутки безъ языка и, такъ сказать, томясь на рукахъ ИМПЕРА-

ТРИЦЫ, пришолъ въ себя, открылъ глаза, спросилъ пить, взялъ руку ГОСУДАРЫНИ и замѣтя ея безпокойство, сказалъ умоляющимъ голосомъ:,, *Вы очень устали, прошу васъ успокоиться!* Послѣ чего приказъ себя посадить и минутъ пять сидѣлъ; потомъ вѣлелъ изготовить перловой супъ, взглянулъ въ окно и сказалъ: ,,*какая прекрасная погода!*,, легъ и до 8 часовъ вечера ему было очень хорошо, и кушалъ супъ. Впрочемъ Князь Волконской, замѣтилъ что больной неимѣлъ болѣе силы открыть уста. Всю ночь Онъ былъ опять въ великой опасности. Въ самую полночь сдѣлалось ему очень худо: Онъ очень страдалъ.

18 Ноября утромъ ГОСУДАРЮ было полегче, и это продолжалось до вечера. Тогда жаръ снова усилился; опасность была не минуема; жаръ болѣе и болѣе умножался. ИМПЕРАТОРЪ открылъ глаза, взоромъ искалъ ИМПЕРАТРИЦУ, имѣя еще память; но

не могши говоришь, сдѣлалъ движеніе рукою, какъ бы просилъ ГОСУДАРЫНЮ, взялъ Ея руку, поцѣловалъ и прижавъ къ груди своей, другимъ поклонился. — Когда Князь Волконскій подошелъ къ нему, больной улыбнулся благосклонно; когда же Князь поцѣловалъ его руку, добрый Монархъ показалъ видъ дружескаго упрека. Въ 11 часовъ и 40 минутъ не оставалось болѣе надежды. Беспамятство продолжалось.

19 Ноября въ послѣднія минуты ГОСУДАРЬ дышалъ скоро и тяжело такъ что было слышно въ ближней комнатѣ. Въ 10 часовъ и 50 минутъ нестало ГОСУДАРЯ, благодѣтеля народовъ: Онъ въ безмолвной тишинѣ скончался, ИМПЕРАТРИЦА была при немъ безотлучно. Когда онъ сталъ кончаться. и начали читать отходную, она все еще держала Его за руки; когда же онъ испустилъ духъ свой, то сама закрыла ему глаза подвяза-

ла платкомъ подбородокъ, сложила руки, перекрестила, поцѣловала, заплакала и поклонившись сказала: „*прости мой другъ!*" потомъ встала, обратилась къ образу, помолилась, говоря„ „*Господи! прости мое согрѣшенїе! Тебѣ угодно было лишить меня Его.*" Вышедши изъ комнаты, гдѣ ГОСУДАРЬ скончался, Она сказала всѣмъ: *дѣти! вы лишились вашего отца!* зарыдала и пошла въ свою комнату, гдѣ дала полную свободу слезамъ. Вскорѣ потомъ приказала при тѣлѣ служить панихиду, взяла свѣчу, молилась и плакала; скорбь ужасная изображалась на лицѣ Ея.

Послѣднїй умирающїй вздохъ незабвеннаго монарха—благодѣтеля поразилъ всѣхъ предстоящихъ громовою стрѣлою; картина ужасная! Всѣ на колѣняхъ рыдали; проливая кровавыя слезы.

Кто опишетъ скорбь, обЪявшую

всѣхъ окружавшихъ ИМПЕРАТОРА? и тѣ, которые, сопутствуя Монарху на поляхъ битвы, подобно скаламъ нагрозномъ океанѣ отличились твердостію, теперь пали духомъ и вполнѣ предались поразившей ихъ горести.

Подобно молніи разлилась ужасная вѣсть по городу, и скорбныя громкія стенанія заступили мѣсто царствовавшей дотолѣ тишины неизвѣстнаго ожиданія.

Такъ скончался Александръ благословенный, благодѣтель народовъ и царей, на илучшій изъ монарховъ, цвѣтущій здравіемъ, прекраснѣйшій изъ мущинъ своего времени—скончался въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ! При послѣднемъ вздохѣ принялъ онъ видъ, свойственной Его Ангельской улыбкѣ, и несмотря на его страданія, спокойствіе царствовало на челѣ, и благополучіе души праведной блистало въ чертахъ Благословеннаго.

Когда ИМПЕРАТРИЦА изволила оставить умершаго супруга своего, тогда умастили его мvромъ; потомъ драгоцѣнное тѣло въ Бозѣ почившаго ИМПЕРАТОРА обмыли, надѣли чистое бѣлье, шлафорокъ, положили на дорожной Его кроватѣ, засвѣтили около него 4 свѣчи, въ головахъ поставили Образъ Спасителя, а въ ногахъ налой и Евангеліе, позвали духовенство; и пѣніе: „*упокой Господи душу усопшаго раба твоего Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА 1-го Всея Россіи* потрясали сердца предстоящихъ.

Тѣло покойнаго ГОСУДАРЯ оставалось 9 дней въ его кабинетѣ, гдѣ онъ скончался на диванѣ, головою къ камину. Тамъ на 3 день бальзамировали оное, но бальзамированіе кажется не такъ удалось, какъ бы его ожидать можно было: ибо для предохраненія тѣла отъ гніенія надлежало

ставить ледъ подъ низъ гроба, лице отъ спирта, которымъ напаяли его весьма измѣнилось. Анатомики при вскрытіи тѣла нашли въ головѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ больной, чувствуя страданія, клалъ руку, на тощую перепонку и немного съ полстакана или 50 золотниковъ воды; печенка была повреждена и хрящь грудной окостенѣлъ; впрочемъ, другіе органы тѣла были въ наилучшемъ видѣ.

ИМПЕРАТРИЦУ просили переѣхать въ чистой домъ, но она нехотѣла согласиться и сказала Князю Волконскому: „*Я увѣрена, что вы раздѣляете мое несчастіе. Неужели вы думаете, что одна корона привязывала меня къ моему мужу! Прошу васъ не разлучать меня съ нимъ до тѣхъ поръ, пока есть возможность.*" Послѣ чего никто не смѣлъ уже ее просить, и она оставалась цѣлый день одна въ своихъ комнатахъ и безъ сви-

дѣтелей ходила беспрестанно къ тѣлу. На третій день по кончинѣ Государя, Князь Волконскій опять предложилъ Ея Величеству переѣхать въ чистой домъ, хотя на нѣсколько дней, но она нехотѣла согласиться.

Совершивъ должный обрядъ надъ высокимъ усопшимъ, тѣло Его оставили во дворцѣ до 11 числа Декабря, т. е. до того времени, когда все было готово къ совершенію должныхъ почестей въ Бозѣ почившему отцу отечества.

11. Декабря, въ 9 часовъ утра. послѣдовалъ выносъ тѣла Монарха изъ дворца въ Новоіерусалимскій Греческій монастырь.

Когда ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА изволила отдать послѣдній долгъ обожаемому супругу и удалилась въ домовую церковь, тогда Преосвященный Ѳеофилъ, Архіепископъ Екатеринославскій, Херсонскій и Таврическій, съ знатнѣйшимъ духовенствомъ со-

вершалъ обычную литію. Послѣ чего началось церемоніальное шествіе.

По возложеніи тѣла въ Бозѣ почивающаго ИМПЕРАТОРА на приуготовленное мѣсто, Преосвященный Ѳеофилъ совершилъ литургію и панихиду.

29 Декабря по Высочайшей волѣ Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА послѣдовало отправленіе тѣла ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА изъ Таганрога въ С. Петербургъ съ Генераломъ-Адъютантомъ Графомъ Орловымъ-Денисовымъ и многими флигель-Адъютантами, прибывшими для сего изъ столицы. Шествіе сопровождаемо было безчисленнымъ множествомъ народа; за шлагбаумомъ Преосвященный Ѳеофилъ напутствовалъ тѣло блаженной памяти ГОСУДАРЯ литіею и благословеніемъ.

3 Февраля тѣло въ Бозѣ почившаго ИМПЕРАТОРА прибыло въ Москву, у заставы встрѣчено было Воен-

нымЪ ГенералЪ-ГубернаторомЪ, знатнѣйшими чиновниками и Духовенствомъ.

ГромЪ пушекЪ возвѣстилЪ начало шествія, и во все продолженіе онаго, сЪ 1 часа по полудни до 4½ часовЪ, каждая минута была возвѣщена пушечнымЪ выстрѣломЪ; во всѣхЪ церквахЪ продолжался надгробный перезвонЪ; благоговѣйная тишина царствовала повсюду.

На пути отЪ заставы до Архангельскаго Собора, изЪ каждой церкви выходилЪ священникЪ со крестомЪ и храмовою иконою; колесница останавливалась и совершалась литія; войска держали на погребенье; но когда равнялся сЪ ними гробЪ ИМПЕРАТОРА, тогда отдавали они честь, и музыка играла приличный погребальный маршЪ.

По постановленіи гроба на катафалку вЪ АрхангельскомЪ Соборѣ, Регаліи и Ордена расположены были около

оной на табуретахъ. У гроба на часахъ стояли въ головахъ и ногахъ 6 капитановъ, а внизу по сторонамъ катафалка 10 прапорщиковъ; денно и нощно читалось Евангеліе; при гробѣ дежурили по 8 особъ первыхъ 4-хъ классовъ и по 2 Камеръ Юнкера. Каждый день отправлялась литургія и по 2 раза панихида отъ 9 часовъ утра по 1 по полудни, а отъ 3 по полудни до 7 допускались разнаго званія люди на поклоненіе гробу.

6 Февраля по тому же церемоніалу тѣло покойнаго ИМПЕРАТОРА вывезено было изъ Москвы за Тверскую заставу, гдѣ Преосвященнѣйшій Архіепископъ Филаретъ произнесъ охранителю и сопровождателю гроба назидательное слово и благословилъ въ путь.

СТИХИ

При воззрѣніи на тѣло въ Бозѣ почивающаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го.

Кого спѣшитъ Москва встрѣчать?
Чей гробъ слезами орошаемъ?
Прошло столѣтіе . . . опять
Великаго мы погребаемъ?

Народы! . . АЛЕКСАНДРА нѣтъ!
ОНЪ тамъ, вашъ Другъ и Благодѣтель,
ОНЪ тамъ, гдѣ лучезарный свѣтъ
Одну вѣнчаетъ добродѣтель.

Все человѣчество въ слезахъ!
Вездѣ отзывы скорбныхъ стоновъ:
Священъ того и бренный прахъ,
Кто жилъ для счастья милліоновъ!

Надежды гимнъ еще гремѣлъ;
И Мать и Братъ молились съ нами. . . .
Изъ рукъ ОНЪ Ангела летѣлъ,
Уже мы были сиротами!

Еще гласъ мудрыхъ слышенъ былъ:
Чего не совершитъ нашъ Геній? (*). . . .

(*) Авторъ не задолго до горестнаго извѣстія перечитывалъ письма Исторіографа къ покойному ИМПЕРАТОРУ при посвященіи ему Исторіи Государства Россійскаго.

А ОНЪ съ улыбкою парилъ—
Безсмертія въ злашыя сѣни.

Тамъ скажешъ ОНЪ Царю Царей:
,,Мой мечь народы лобызали;
,,Я былъ главой земныхъ вождей,
,,Чтобъ сшарець, машь не трепешали,

,,Преступныхъ съ Небомъ примирялъ,
,,И мстилъ врагамъ ихъ искупленьемъ;
,,Земную славу испыталъ,
,,И вѣчную обрѣлъ смиреньемъ.

Душа Великая! воззри:
Въ слезахъ сихъ дань тебѣ свяшая,
И въ упѣшенье намъ пари,
Надъ трономъ НИКОЛАЯ.

Н. Иванчинъ-Писаревъ.

На случай печальнаго шествія, сопровождающаго тѣло покойнаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА перваго.

Куда, владыка полвселенны?
Куда, о сильный Вождь Царей?
Зрю: движешь рати ополченны;
Зрю славы спутниковъ твоей.

Но что, полки Твои печальны,
И въ громахъ, вѣстникахъ побѣдъ,

Отзывы стонутъ погребальны,
И въ пѣсняхъ торжества ужъ нѣтъ!
Что зрю? несутъ доспѣхъ героя:
Се долу преклоненный мечь;
Се щитъ ЕГО, залогъ покоя,
И шлемъ, рѣшитель грозныхъ сѣчь.
Ведутъ коня; онъ томнымъ окомъ
Глядитъ на прахъ своихъ копытъ;
Идетъ въ уныніи глубокомъ,
И гриву по песку влачитъ,
Гдѣ всадникъ, гдѣ громомѣтатель,
Душой и сердцемъ исполинъ,
Дружинамъ къ славѣ указатель,
Земли и рока властелинъ?
Се ОНЪ простертъ на колесницѣ!
Се Тотъ, Кто честь народовъ спасъ!
Ни скиптра, ни меча въ десницѣ!
Уста безмолвны, взоръ угасъ.
Давноль уста сіи вѣщали
Небесный судъ концамъ земли;
И взоры то въ поляхъ сверкали,
То въ плѣнъ сердца къ НЕМУ влекли?
Давноль громилъ онъ буйны царства,
Гордыню кротостью смирялъ,
И узы хитраго коварства,
Единимъ словомъ разрывалъ?
Давноль примѣромъ и дѣлами
ОНЪ исправлялъ развратный вѣкъ,

И падшимъ предъ ЕГО стопами,
ОНЪ говорилъ: я человѣкъ?

ТЫ правъ, возстановитель троновъ,
Народовъ другъ, примѣръ владыкъ,
Отецъ спасенныхъ милліоновъ!
ТЫ правъ, лишь Богъ одинъ великъ. (*)

Н. Иванчинъ-Писаревъ.

6. Марта, тѣло въ Бозѣ почившаго ИМПЕРАТОРА прибыло въ С. Петербургъ. У заставы встрѣчено было ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ, Его Высочествомъ Великимъ Княземъ МИХАИЛОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ, Принцами Прусскимъ и Оранскимъ и многочисленною свитою, въ числѣ коей знатнѣйшія особы Иностранныхъ Державъ. Вскорѣ за симъ прибыли въ каретѣ ихъ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА и МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА съ Его Высочествомъ, Наслѣдникомъ Престола, Великимъ Княземъ АЛЕКСАНДРОМЪ НИКОЛАЕ-

(*) Государь Императоръ часто употреблялъ сіе выраженіе.

ВИЧЕМЪ и Ея Высочествомъ Принцессою Виртембергскою. За сими слѣдовали Кавалерственныя Дамы и флейлины.

13. Послѣдовало отпѣваніе тѣла Представившагося. Совершали: Преосвященнѣйшіе: Митрополитъ Серафимъ, Митрополитъ Евгеній, Архіепископъ Тверскій Іона, Епископъ Пензенскій Ириней, Митрополитъ Греческій и прочее знатнѣйшее духовенство.

Послѣдній обрядъ совершенъ... и кто можетъ описать сію минуту, когда надлежало приблизиться и отдать послѣднее поклоненіе Государю, Отцу и Благодѣтелю, лежащему уже во гробѣ? Въ церковь допущены были только особы первыхъ классовъ, почему собраніе было не многочисленное и казалось однимъ семействомъ, оплакивающимъ своего Отца Благодѣтеля. Тамъ Августѣйшая Мать лежитъ безъ чувствъ у подножія гроба своего Сына въ первый разъ Ее те-

перь огорчившаго, тамъ **ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА**, едва стоящая на ногахъ, тутъ, юный наслѣдникъ въ скорби превышающей лѣта Его; здѣсь Принцы, родственники, друзья и облагодѣтельствованные Имъ. Вотъ и самъ Монархъ, Августѣйшій братъ въ Бозѣ почивающаго! Сильная печаль поражаетъ Его. Онъ лишился нѣжнаго брата, чувствительнаго друга, мудраго наставника; но высокій санъ Его воспрещаетъ предаваться чрезмѣрной горести. Онъ собираетъ мужество и твердость своего характера, борется съ печалію—и не можетъ совершенно побѣдить ее. Самые воины, призванные для пособія при снятіи гроба, немогутъ удержать слезъ, орошающихъ мужественныя ихъ ланиты.

Все свершилось: воздано послѣднее поклоненіе и гробъ опущенъ въ

могилу. (*) Громъ аршилеріи и баталь-ный огонь войскъ, бывшихъ въ строю, возвѣстилъ столицѣ горестную минуту о разлукѣ съ отцомъ и благо-дѣтелемъ.

Опочій въ мирѣ *Благословенный*! и свыше, гдѣ чистая душа Твоя пре-бываетъ, осѣняй Россію о Тебѣ сѣ-тующую и давшую вѣчный обѣтъ благословлять Тебя и въ предъизб-ранномъ Тобою достойнымъ преемни-кѣ Твоемъ, ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

ПЕТРЪ I-й умеръ въ 1725 году, АЛЕКСАНДРЪ I-й въ 1825 году, и меж-ду кончиною того и другаго протек-ло ровно 100 лѣтъ. Сколько событій произошло въ семъ промежуткѣ вре-мени! Сколько чудесъ Неба и Ада! Какой Исполинскій шагъ сдѣлала Рос-

---

(*) Оная находится по правую руку Олтаря, близъ Царскихъ Вратъ, рядомъ съ могилою покойнаго блаженной памяти Государя Императора Павла Петровича, надъ него поставленъ мраморный саркофагъ, обведенный бліастромъ, и покрытый Порфирою.

сія въ пріобрѣтеніи уваженія и благоговѣнія отъ Европы! Сколь много пріобрѣла той моральной власти, которая дороже могущества, или лучше сказать, которая и есть самое могущество! Какую долженствовалъ чувствовать гордость ПЕТРЪ І-й пріемля въ обитѣль Великихъ царей Великодушнѣйшаго изъ своихъ преемниковъ.

АЛЕКСАНДРЪ прожилъ 48 лѣтъ, а царствовалъ 24 года. Половина жизни Онъ протекла въ помышленіи о счастіи человѣческомъ, а другая въ совершеніи онаго. Онъ встрѣтилъ смерть на одрѣ страданія съ челомъ, столько же яснымъ, какъ встрѣчалъ ее во дни битвъ: то былъ герой 1812 — 1814 год.; только поля битвы измѣнилось. Чистая великая душа Его, отрѣшаясь симъ послѣднимъ бореніемъ отъ земныхъ связей, вѣрно ощущала уже радость. Сей Великій человѣкъ, былъ 25 лѣтъ любовію по-

ловины свѣта и удивленіемъ другой. Если къ благородному свидѣтельству всеобщаго сознанія нужно прибавить еще свидѣтельства, которыя, быть можетъ, важнѣе на краю гроба; то въ пользу ИМПЕРАТОРА были и голосъ вдовы, и благословенія сироты, и стонъ нищаго, имъ взысканномъ и щедро облагодѣтельствованнымъ.

Извѣстно съ какимъ глубокимъ, прискорбіемъ и чуждые намъ народы узнали о кончинѣ незабвеннаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Не одни мы лишались въ немъ Великаго ГОСУДАРЯ: Слава Его принадлежала Европѣ почти столькоже, какъ и Россіи, ибо она была цѣною избавленія отъ всеобщаго ненавистнаго ига. Въ самые дни мира благодѣтельное вліяніе Его могущества распространялось на другіе державы, бывши и для нихъ залогомъ тишины и устройства. Сіи знаки всеобщаго участія въ нашей горести не прерываются.

Союзниками АЛЕКСАНДРА были всѣ просвѣщенные Государства, кои столь часто изявляли безпредѣльную довѣренность къ великодушнымъ правиламъ Его политики, и старались воздать должную честь Его священной памяти, единодушнымъ изъявленіемъ дружелюбія и уваженія къ Августѣйшему преемнику Его престола; между ними первый тотъ, который въ смутныхъ обстоятельствахъ непереставалъ быть другомъ нашего Монарха и Россіи, Король Прусскій назначилъ своимъ представителемъ въ семъ случаѣ сына своего *Принца Вильгельмина.* За ними вскорѣ прибыли ко Двору, связанныя съ онымъ узами родства и любви, равно и взаимностію политическихъ выгодъ: наслѣдный *Принцъ Мекленбургъ-Шверинскій, Марграфъ Леопольдъ Баденскій,* отличенный особенною нѣжною дружбою въ Бозѣ почивающаго ИМПЕРА-

ТОРА, и при послѣдней съ Нимъ разлукѣ, осыпанный новыми знаками, оной. Внезапно пораженный ужасною вѣстью собственною неизмѣненною горестію и горестію супруги, онъ спѣшилъ въ мѣста, священныя воспоминаніемъ, поклониться драгоцѣнному праху и раздѣлить скорбь съ другими членами сѣтующаго Августѣйшаго семейства. Съ порученіемъ Императора Австрійскаго, былъ ближній родственникъ Его Величества *Ерц-Герцогъ Фердинандъ*, прославившійся въ кампаніи 1805 года, а Правительство Великобританіи, избрало одного знаменитаго изъ героевъ нашего вѣка полководца, который при Ватерло нанесъ послѣдній ударъ Наполеону, и тѣмъ въ лѣтописяхъ міра присоединилъ имя свое къ имени Освободителя Европы—Александра перваго.

Такъ чтили союзные Государи память Освободителя Европы, Имъ об-

лагодѣтельствованной, ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА благословеннаго, спасителя народовъ и Царей! Такъ чтили и чтутъ Россіане память своего Монарха, истиннаго отца отечества.

СТИХОТВОРЕНІЯ
на
Кончину, Государя Императора, Александра перваго.

Гдѣ царь, гдѣ сынъ, супругъ,
Несчастныхъ щитъ и другъ,
Могучій Князь и Христіанинъ,
Герой, въ порфирѣ Россіанинъ?
Гдѣ Ты о витязь нашихъ лѣтъ?
Явись!—Твой видъ насъ оживляетъ;
Краса души въ Тебѣ сіяетъ,
А честь Твоя, какъ свѣтъ,
На доблѣстномъ челѣ блистаетъ;
Глядишъ—душа въ Твоихъ очахъ;
Речешъ—душа въ Твоихъ словахъ.
Братъ ратникамъ и вождь любимый,
Посредникъ праведной, на тронѣ человѣкъ.
Гряди въ Москву; ея Ты столпъ и сила:

Она Европѣ возгласила,
Что вѣкъ Твой—Россамъ славы вѣкъ!
Гдѣ Ты отечества сынъ милый?
Гдѣ Ты? Но съ юга звукъ унылый
До насъ дошелъ: ужъ нѣтъ Его!
Несетъ народъ Монарха своего,
Несетъ куда?—въ гробницу!
О Боже!....Но уставъ закона Твоего
Велитъ хвалить разящую десницу!
Онъ тамъ, гдѣ времени конецъ,
Гдѣ злобамъ бурь мірскихъ предвѣчная препона!..
На что Ему здѣсь бренная корона?
Безсмертному безсмертный и вѣнецъ.

Кн. Волконская.

Ресфея кедръ, величье скалъ,
Облегшій тѣнію стремнины,
Судьбой низверженный, Ты палъ,
Ты палъ и—дрогнули долины!
Низверженъ исполинъ во прахъ,
Кого и бури не сражали,
Въ чьихъ необъемленныхъ вѣтвяхъ
Орлы присадъ свой обрѣтали;
На Комъ всѣхъ ранѣе пылалъ
Десницы лучь и до полночи;
Кто въ блескѣ запада сіялъ,
И веселя сердца и очи;

Покровъ потомству обѣщалъ.
И стонетъ міръ, того нестало,
Кто мощной дланію своей
Спасалъ народы и Царей;
Его сразило смерти жало;
Сразило въ цвѣтѣ славныхъ дней!
Недвижимъ, блѣденъ, бездыханной;
Уже хладъ гроба очи сжалъ,
И надъ главой его вѣнчанной,
Лучъ новой жизни возсіялъ.
Россія, плачь! гдѣ благодатный
Твой кроткій Ангелъ, лучъ сердецъ?
Гдѣ скрылся ликъ Его отрадный?
Гдѣ Царь, отечества отецъ?
Благословенный Ангелъ міра!
Ты улетѣлъ въ страну небесъ,
Не зримъ благихъ Твоихъ очесъ!
Негрѣетъ насъ Твоя порфира,
И кроткимъ маніемъ жезла
Ты скорби тучь не разгоняешь
Съ сердецъ и нашего чела;
Но Ты невидимо летаешь,
Животворишь Твоихъ сыновъ.
Вѣщаешь: Русь не состарѣетъ;
Противникъ міра не посмѣетъ,
Возстать на край моихъ отцовъ,
На немъ Спасителя покровъ.

Ил. Ободовскій.

Не стало Генія вселенной,
Державшаго въ рукѣ своей,
Самимъ Творцемъ Благословенной,
Судьбу народовъ и Царей,
И содрогнулася вселенна,
Событьемъ страшнымъ пораженна!
„Кто будетъ твердымъ мнѣ щитомъ
Въ годинѣ бѣдствій злоключеній?"
И съ воплемъ симъ она кругомъ
Бросаетъ взоръ недоумѣнья:
„Ужели АЛЕКСАНДРА нѣтъ?
Ужели чтимый цѣлымъ свѣтомъ,
Владѣвшій всѣхъ любви обѣтомъ,
Оставилъ столь внезапно свѣтъ?..."

Ахъ! что же чувствуемъ мы, чада
Благотворимаго Отца?
Онъ нашихъ дней былъ жизнь, отрада;
Имъ разцвѣтали въ насъ сердца!...
Но покоримся Провидѣнью:
Оно награду шлетъ смиренью,
И Тотъ, Кто солнце засвѣтилъ,
Уже душъ нашихъ мракъ глубокій
Звѣздою ясной озарилъ: —
И духомъ помысломъ высокій,
Возсѣлъ на АЛЕКСАНДРОВЪ тронъ
Нашъ НИКОЛАЙ, рожденный къ славѣ!
И свѣтъ являетъ душѣ Его законъ:
Дать благоденствіе державѣ.

А ты, Великая жена!
Принять послѣдній вздохъ супруга
Была Ты Небомъ призвана —
И взоръ смѣживъ на вѣки друга,
Царя Владыки своего,
Ты удалилась отъ Него,
Порфирородная вдовица!
И далъ въ пустыняхъ бытія!
О несравненная Царица!
Душа небесная Твоя
Найдетъ въ отрадѣ милліоновъ,
Въ ихъ горкихъ, пламенныхъ слезахъ
Найдетъ еще... въ какихъ словахъ
Дерзнуть печальной, грустной музѣ
Объ утѣшеніи вѣщать?... (*)
Ахъ, только въ общемъ душъ союзѣ
Мы можемъ къ Небу обращать
Сердца съ мобольбой и упованьемъ:
Да нашу Царственную Мать
Искупимъ мы своимъ страданьемъ.

Кн. Шаликовъ.

(*) Писано до кончины ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ОДА

НА СРѢТЕНІЕ МОСКОВСКИМИ ЖИТЕЛЯМИ ТѢЛА НЕЗАБВЕННАГО МОНАРХА,

АЛЕКСАНДРА I,

ИМПЕРАТОРА

ВСЕРОССІЙСКАГО.

Почто сей вопль, сіи рыданья?
Что всѣхъ волнуетъ и мятетъ?
Какія бѣдствія, страданья
Судьба во гнѣвѣ намъ несетъ?
Не Небо-ль мстящими громами
Звучитъ надъ нашими главами?
Не хляби-ль водъ покрытъ текутъ
Лице всея земли волною?
Не бездны-ль пышутъ подъ стопою
И рѣки огненны ревутъ?...

* * *

Но се, съ поникшими главами,
Течетъ печальный воевъ строй;
Ихъ мрачный взоръ покрытъ слезами,
Чело одѣто думы мглой!
А тамъ — среди толпы смятенной —
Рыданьемъ, воплемъ окруженной,
Тамъ зрится пышный гробъ — а тамъ....
Кто сей, съ вѣнчанною главою,
Лежитъ, простертъ подъ пеленою?
Кто сей, безцѣнный всѣмъ сердцамъ?

❋ ❋ ❋

Се Тотъ, любимый Небесами,
Герой, отрада отчихъ странъ,
Верховный Царь между Царями,
Кто былъ въ спасеніе избранъ
Народовъ, мучимыхъ войною;
Кто мощною своей рукою
Разсѣялъ полчища враговъ;
Въ Комъ вѣра свой престолъ имѣла,
И въ Комъ вселенная вся зрѣла
Сосудъ Божественныхъ даровъ.

❋ ❋ ❋

Когда, влекомые страстями,
Враги священныхъ алтарей
Возстали буйными толпами
На власть законовъ и Царей;
Когда обманы, ухищренья,

Презрѣнья вѣры, обольщенья
Повсюду разлились рѣкой;
Когда вселенна трепетала
И въ блѣдномъ ужасѣ взирала
На мечь враговъ и жребій свой:

❁ ❁ ❁

Тогда Владѣющій судьбами
Изрекъ къ ней благости завѣтъ —
И Русскій Царь, младый лѣтами,
Возсталъ спасти ее отъ бѣдъ.
Вотще, побѣдами надменный,
Измѣной, злобой вознесенный,
Гремѣлъ войной Наполеонъ;
Царь Русскій съ вѣрными сынами
Явился предъ его полками —
И гдѣ полки? И гдѣ самъ онъ?

❁ ❁ ❁

Гдѣ тотъ, предъ кѣмъ все трепетало,
Кто въ тяжкій плѣнъ водилъ Царей,
Чьей гордости казалось мало
Побѣдъ и царственныхъ властей? —
Онъ тамъ, гдѣ бурными волнами
Между кремнистыми скалами
Безбрежный Океанъ шумитъ,
Онъ тамъ, подъ хладною доскою,
Забытый Небомъ и землёю,
Въ тѣни деревъ сномъ вѣчнымъ спитъ.

❁ ❁ ❁

И блѣдна тѣнь его блуждаетъ
Со стономъ по морскимъ брегамъ,
И тщетно длани простираетъ
Вдали къ синѣющимъ волнамъ;
И проситъ слезъ и сожалѣнья;
Но нѣтъ! протекшія мученья
Упрекомъ хищному грозятъ!
И тѣ, которые хвалами
Его равняли съ Небесами,
Теперь, потупя взоръ, молчатъ.

❊ ❊ ❊

А здѣсь, когда вся власть и сила
Погибла съ смертію на вѣкъ,
Судьба всѣхъ мощныхъ правъ лишила,
И Царь — лишь только человѣкъ,
Что движетъ здѣсь народа волны?
Почто всѣ тяжкой скорби полны?
Что всѣхъ стремитъ предъ гробомъ пасть?
То сердца и души влеченья!
То дань къ заслугамъ удивленья!
То доблестей всемощна власть!

❊ ❊ ❊

А Ты, къ Кому вызносимъ клики,
О Комъ печали мчится гласъ,
Вѣнчанный Мужъ и Мужъ великій!
Твой взоръ уже закрытъ для насъ!
Открой его! Воззри на воевъ —
На сихъ безтрепетныхъ героевъ,

Во брань стремившихся съ Тобой!
Печаль стопы ихъ оковала,
И длань, что ярый громъ бросала,
Теперь ослаблена тоской.

❊ ❊ ❊

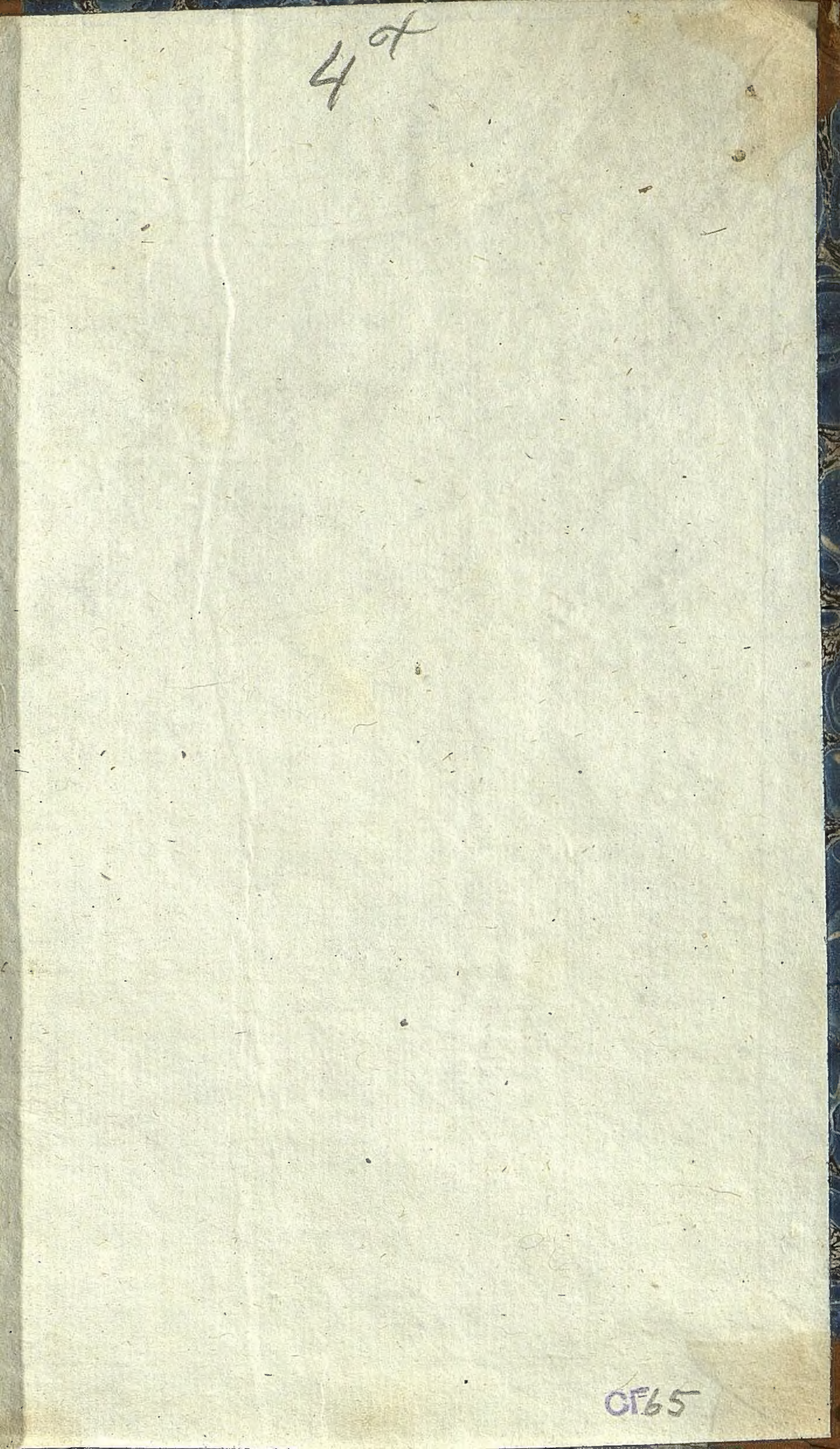
Воззри и на Кремлевски стѣны,
На градъ, который въ торжествахъ
Встрѣчалъ, восторгомъ упоенный,
Тебя, великаго въ Царяхъ!
Какъ все печалью вкругъ покрыто!
Веселье, радость — все забыто!
Единый Ты всѣхъ думъ предметъ!
Повсюду вопли раздаются,
Взыванья громкія несутся:
„Кто нынѣ насъ спасетъ отъ бѣдъ?"

❊ ❊ ❊

Утѣшьтесь, Россы! — Вышній съ нами!
Свѣтило новое блеститъ!
Оправданный Его судьбами,
На тронѣ НИКОЛАЙ сидитъ!
Война ли на отчизну грянетъ? —
ОНЪ въ грозномъ мужествѣ возстанетъ!
Предъ НИМЪ побѣда слѣдъ пробьетъ!
Сіяя славой на Престолѣ,
ОНЪ всѣхъ въ щастливой міра долѣ
Рукою мощной соблюдетъ.

Волковъ.

КОНЕЦЪ.

4to
OT65

